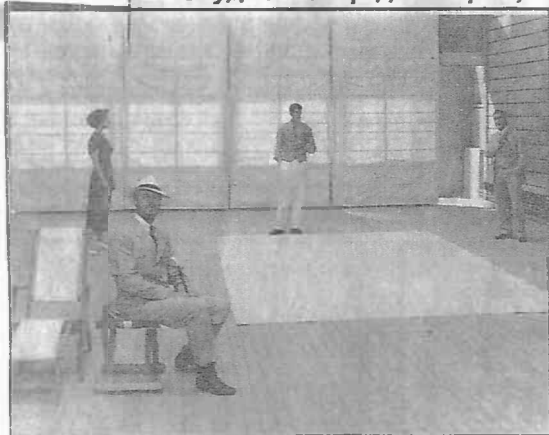

Истерика любви

Филигранное отражение страстей в спектакле "Полуденный раздел" "Студио-Театр де Витри", приехавшего в Москву на два представле-

ния, собрало в Театре на Таганке добрую часть французской диаспоры. Она соприкоснулась с привычной атмосферой, в которой главная проблема и боль бытия никак не относятся к разряду политико-экономических. Вся жизнь кажется лишь оберткой для главного, сенсального, причиняющего горе, дарящего восторг, излучающего свет и имеющего единственный конец — погружение в тьму, небытие, ведь бесконечно долго не может длиться не только хорошее, но и вообще ничего. О чем идет речь? Об отношениях женщины с мужем, с одним любимым, другим любимым... Пульсация любви, обнажение сути жизни, полностью заключенной в этой любви, и никаких гражданских катаклизмов.

"Полуденный раздел" написал Поль Клодель, дипломат и драматург. У нас в стране его пьесы любил Александр Таиров, создавая из них шедевры Камерного театра. Поставил — Ален Олливе, актер, режиссер, художественный руководитель "Студио-Театр де Витри", чей талант в кино запечатлели Франсуа Трюффо, Жак Риветт, Кшиштоф Кесьлевский, в театре — Роже Пляншон, Питер Брук, Жак Лассаль, Антуан Витеза.

Для начала на сцене раздвинули рамки привычного любовного треугольника еще на одного человека. В центре оказалась "фатальная" женщина Изе — хрупкая, изящная Элен Лоссер со стилизованно тонкими, преувеличенно эффектными чертами лица и души и жохотом фурии. По краям расположились: ее счастливое прошлое — старый знакомый Амальрик (Филипп Жирар); мнимое настоящее — муж Де Сиз (Ксавье Элли) и губительно скользящее в вечность будущее — Меца (Кристиан Клоарек).

Судьбы всех четырех пере-

плетались и расходились без надрыда — французы умеют делать истерики любви красивыми. Казалось, что слово "измена" им незнакомо, — они не заострили свою жизнь на его унизительном значении. Вместе они соприкасались на корабле, плывущем в Китай. Как только все добрались до суши, первым, несмотря на мольбы Изе, вышел из игры муж, уехав на заработки. Потом выстроилась замкнувшаяся на смерти цепочка Меца — Амальрик — Меца, в которой все играли то, что и следовало играть при погружении в замысловатые складки страстей жизни.

Купание в чувствах оборвали абстрактная угроза китайских погромов и конкретный выстрел Амальрика в Меца, когда последний захотел вновь обрести покинувшее его счастье — Изе.

Впрочем, эта женщина не приносила счастья, а дарила гармонию страданий. Ее сложный роман заканчивается в объятиях умирающего Меца. Поль Клодель завершил пьесу беспощадно-реалистически:

Изе умрет, она не успеет сесть в лодку и спастись бегством от расправы кастителей. И ей ничего больше не остается, как вернуться к покинутому ею мужчине и поглотить с ним вместе. У Алена Олливе это описание более романтично, возвращение Изе не выглядит дорогой к смерти. Изе просто дарит Меца и вечности мгновение, когда души сливаются.

Сценографы — Ален Олливе и Анн Гратадур создали колоритным французским переживаниям подчеркнуто скупой фон. Белый задник первого действия, шезлонг, скамейка, звездное небо последнего акта — вот, пожалуй, и все декорации, обрамляющие рассказ о том, что для развития любви не требуется никаких выстроенных украшений и внешних дополнений. Она самодостаточна, но упоение ею бывает губительно. И было передано это прекрасными молодыми французскими актерами "Студио-Театр де Витри" очень сильно и очень красиво.

**Ирина КОРНЕЕВА.
Фото Клода ЛЕАНА.**